

0-734064 - |

На правах рукописи

Марсакова Маргарита Соломоновна

**ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ
ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА
В ПУШКИНСКИХ ТЕКСТАХ**

10.02.01 – РУССКИЙ ЯЗЫК

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

М. Марсакова

Самара – 2001

Диссертация выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Самарского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор Е. С. Скобликова

Официальные оппоненты – доктор филологических наук
О.Ю.Крючкова,
кандидат филологических наук
доцент Л.Е.Лисовицкая

Ведущая организация – Ульяновский государственный
педагогический универ

Защита состоится «19» декабря 2001 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета K212.218.01 в Самарском государственном университете по адресу: 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, ауд. 203 химбио.

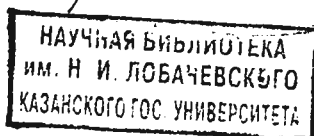
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Самарского государственного университета.

Автореферат разослан «16» ноября 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г. Ю. Карпенко

Г. Ю. Карпенко

Вариантность падежных форм является характерной чертой русского именного склонения на протяжении всех этапов его истории. Многочисленные случаи вариантных форм имен существительных отмечаются уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности XI – XII веков. Несмотря на относительную стабилизацию норм литературного языка в XIX веке, варьирование флексий для некоторых падежей имен существительных сохраняется и в современной речевой практике.

Конкуренция форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на -а́ (-я́) и на -ы (-и) типа *годы – годá* – одно из самых ярких и сложных проявлений морфологического варьирования в русском языке позднего времени

Раннее появление форм на -а́ оказалось связанным только с малочисленными словами, обозначающими парные предметы (*бока, глаза, рукава, берега* и под.), где соответствующие формы появились во множественном числе в результате разрушения категории двойственности. С течением времени, захватывая новые пласты лексики, формы на -а становятся продуктивными. Если М. В. Ломоносов приводит только три слова, употреблявшихся в именительном падеже множественного числа последовательно с окончанием -а: *бока, глаза, рога* (восходящие к форме двойственного числа) и несколько существительных, допускавших употребление форм на -ы (-и) и на -а (*береги и берега, луги и луга, лесы и леса, острова и острова, снеги и снега, струги и струга, колоколы и колокола*), то в работах последних десятилетий нашего времени приводится уже более 700 существительных с формами именительного падежа множественного числа на -а (-я), полностью закрепившимися в литературном языке и имеющими нейтральные или стилистически ограниченные в своем использовании варианты на -ы (-и) (Фидровская 1961, Иванова 1967, Розенталь 1998 и др.).

Рост «новообразований» на -а остается актуальным фактом речевой практики и в настоящее время.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются словоформы именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода, функционирующие в произведениях Пушкина.

Актуальность исследования определяется многими факторами.

Существование и продолжающееся развитие вариантных форм типа *годы – годá, слесари – слесаря* и других обуславливает неослабевающий интерес к соответствующим (достаточно неоднородным) соотношениям аналогичных форм и в современном русском языке, даже с точки зрения нормализаторских оценок и практики стилистического разграничения разных форм.

Работа актуальна и в плане общих проблем изучения истории русского литературного языка. Исследование функционирования рассматриваемых вариантов в языке Пушкина, его современников и предшественников позволяет весьма существенно прояснить картину бытования и стилистической дифференциации этих форм на одном из решающих этапов становления норм русско-

го литературного языка.

Самостоятельную ценность на этом фоне проведенное исследование представляет в плане изучения собственно пушкинской (разножанровой) речевой практики – как художественной, так и эпистолярной, официально-деловой, научно-исторической

Цель настоящей работы заключается в характеристике состава форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода в пушкинских текстах в плане отражения языковых процессов соответствующего периода и выявления закономерностей функционирования вариантных форм.

Основная цель работы предопределила постановку и решение следующих конкретных задач:

1) исчерпывающе выявить и описать общий состав словоформ именительного падежа множественного числа существительных мужского и среднего рода в пушкинских текстах; выявить особенности форм у различных групп лексем (безвариантных – употребляющихся всегда только с «традиционной», или, наоборот, новой флексией, и вариативных);

2) установить соотношение форм, используемых Пушкиным, с рекомендациями нормативных грамматик и словарей первой половины XIX века, а также с литературной практикой данного периода;

3) проанализировать с учетом широкого спектра текстовых факторов употребление исследуемых форм в прозаических и стихотворных произведениях Пушкина, а также в текстах разной жанровой отнесенности с целью выявления специфики их речевого использования;

4) выявить соотношение пушкинского использования рассматриваемых форм существительных с нормами литературного языка нашего времени; установить, как в творчестве Пушкина отразились основные тенденции в развитии данных форм и какова роль писателя в нормализации их употребления.

В соответствии с поставленными задачами в работе использовались различные методы и приемы лингвистического анализа. В качестве основных применялись описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, интерпретацию и классификацию языкового материала, а также контекстуальный анализ; в качестве дополнительных – метод количественного анализа и лингвистический эксперимент.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней

– впервые осуществляется исчерпывающее выявление всех употреблений рассматриваемых форм в текстах Пушкина;

– впервые дан точный количественный анализ использования как определенных типов словоформ, так и словоформ отдельных конкретных лексем, поскольку нормы имеют в этой области лексико-грамматическую специфику;

– охарактеризовано, как пушкинское использование данных форм соотносится с указаниями грамматик XIX в. и с речевой практикой современников писателя, а также с нормами литературного языка нашего времени;

– впервые выявлены многообразные и в то же время достаточно отчетливые стилистические факторы, обуславливающие использование автором той или другой из варьирующихся словоформ.

Теоретическая значимость работы определяется прежде всего тем, что она позволила с максимальной достоверностью определить место Пушкина в истории становления лингво-стилистических норм в исследуемой области. Сравнение с рекомендациями грамматик и словарей его времени и с материалами современников Пушкина выявило в пушкинской речевой практике «опережающие» тенденции как в использовании морфологических новаций, так и в отходе от отживших форм.

Не меньшую значимость имеет выявленный в работе широкий спектр текстовых факторов, влияющих на выбор формы, – от факторов жанрово-стилистических, версификационных до своеобразного созвучия форм в одном синтагматическом ряду.

Соответствующие наблюдения наглядно выявляют практически неизменную мотивированность употребления разных вариантов.

Важно отметить также, что точность количественных характеристик исследуемых формоупотреблений в совокупности с детальным анализом их жанрово-стилистического использования позволили существенно уточнить суммарные оценки состояния исследуемой области в рассматриваемый период вообще и оценки пушкинской речевой практики в частности.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее материалов и выводов в вузовских курсах «История русского литературного языка», «Современный русский язык (морфология)», «Стилистика русского языка», «Основы культуры речи», «Лингвистический анализ художественного текста»; в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам истории языка и стилистики, по лингвистике текста; в научной работе студентов и аспирантов; в практике преподавания лингвистических и литературоведческих дисциплин в средних школах, лицеях и гимназиях. Материалы исследования могут быть использованы для пополнения машинного фонда русского языка.

Материалом исследования послужила картотека примеров из пушкинских текстов (как художественных, так и литературно-критических, публицистических, из авторских примечаний к текстам произведений, заметок, набросков и тому под., а также писем) с формами существительных мужского и среднего рода в именительном (а для неодушевленных существительных и в совпадающем с ним винительном) падеже множественного числа. Материал собирался по академическому Полному собранию сочинений А. С. Пушкина в 16 томах (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти томах.- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949) методом сплошной выборки и дополнительно проверялся по Словарю языка Пушкина (Словарь языка Пушкина: в 4-х томах / Под редакцией В. В. Виноградова, С. Г. Бархударова и др. – М.: Госиздат, 1956-1961). Такой метод сбора материала позволил не только максимально полно зафиксировать в пушкинских текстах все рассматриваемые словоформы, но и все случаи их ис-

пользования. К исследованию привлекались также тексты произведений ближайших предшественников Пушкина, его современников и писателей после-пушкинской эпохи: М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Майкова, П. И. Капниста, Л. П. Княжнина, К. Н. Батюшкова, В. Л. Пушкина, Д. В. Давыдова, П. А. Катенина, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, И. И. Козлова, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева и др. Всего рассмотрено 3745 случаев употребления словоформ существительных мужского и среднего рода (около двух тысяч формоупотреблений в разножанровых текстах самого Пушкина и более 1700 употреблений в текстах его предшественников и современников).

При работе над диссертацией учитывались и привлекались данные ряда словарей и грамматических справочников по современному русскому языку, а также словарей и грамматик XVIII-XIX вв.

Исчерпывающий характер анализируемых фактов и постоянное сопоставление реального функционирования рассматриваемых словоформ у Пушкина с рекомендациями современных ему грамматик и словарей, а также с их употреблением в текстах современников Пушкина обеспечивает достоверность результатов исследования.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в докладах на научных конференциях преподавателей Самарского государственного университета (1994, 1995, 1996, 1997 гг.), на Поволжской научной конференции «Гвоздевские чтения» (Ульяновск, 1994 г.), а также в шести публикациях (см. список в конце автореферата).

Положения, выносимые на защиту:

1. Состав и особенности функционирования форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода в пушкинских текстах максимально достоверно отражают существенный период в истории русского именного склонения – период варьирования падежных форм, становления новых норм, борьбы разговорных вариантов за права на статус общелитературных. Исчерпывающий комплексный анализ соответствующих словоформ в языке Пушкина с учетом количественных соотношений в употреблении варьирующихся форм на фоне речевой практики первой половины XIX века, а также в сопоставлении с литературным языком предшествующих и последующих периодов позволяет, с одной стороны, уточнить и углубить современные представления о данном этапе истории русского литературного языка, а с другой – способствует более полному изучению особенностей языка Пушкина.

2. Использование Пушкиным форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода приближается к нормам литературного языка последних десятилетий нашего времени. Для своей эпохи Пушкин оказывается гораздо менее архаичным, чем его современники. С одной стороны, в пушкинских текстах наблюдается тенденция к определенному

опережению рекомендуемых грамматиками литературных норм. С другой стороны, предвосхищение современных норм проявляется у Пушкина в отказе от таких новообразований своей эпохи, которые остались впоследствии за пределами литературного языка.

3. Анализ функционирования вариантов форм в произведениях Пушкина выявляет широкий спектр текстовых факторов в их выборе: жанрово-стилевой, эмоционально-экспрессивный, а также фактор однородности флексий в текстовом синтагматическом ряду. Данные факторы очень часто выступают во взаимодействии. Текстовая обусловленность выбора варианта наиболее ярко проявляется в прозе Пушкина. Однако и в поэзии этот выбор почти никогда не бывает чисто формальным, то есть подчиненным только требованиям версификации, а определяется стилистическими и структурными особенностями организации текста.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений.

Во введении обосновывается актуальность проблемы и выбор темы, ее новизна, сообщается об объекте, целях и задачах исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, определяются методы исследования, описывается структура диссертации.

В первой главе дана краткая история «новообразований» на -а, -ья в русском языке, изложены основные теории происхождения данных форм, освещены аспекты их изучения в лингвистике.

Во второй главе анализируется использование в пушкинских текстах форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода (типа домы – дома, други – друзья).

В третьей главе рассматриваются словоформы существительных среднего рода (типа бревна – бревны и под.).

В четвертой главе прослеживаются закономерности варьирования форм именительного падежа множественного числа у существительных на -ан, -анин, -арин в произведениях Пушкина (типа татары – татары, цыгане – цыганы).

В заключении обобщаются выводы и результаты проведенного исследования.

Приложения включают список использованной литературы, источников, словарей, а также таблицы, в которых приводятся количественные данные по пушкинскому использованию рассматриваемых форм и оценки данных форм в нормативных грамматиках XVIII – первой половины XIX века и в словарях современного русского языка.

Основное содержание работы.

Исследование функционирования в пушкинских текстах форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода проводится в диссертационном исследовании в двух аспектах, тесно связанных между собой: историко-нормативном и стилистическом. Историко-

нормативный аспект предполагает анализ форм и вариантов, используемых Пушкиным, в диахроническом плане, с точки зрения отражения определенного этапа истории языка. Материал, извлеченный из сочинений великого писателя, имеет особую значимость в плане фиксации живых процессов, характеризовавших русский литературный язык первой трети XIX века. Как известно, именно в этот период происходило активное вхождение в литературный язык форм на -а. Пушкинские тексты дают возможность увидеть как процесс борьбы конкурирующих форм, отбор ведущего, наиболее жизнеспособного варианта, так и их синхронное сосуществование, мотивированное стилистической или семантической дифференциацией параллельных форм. Сопоставление пушкинского употребления и литературной практики современников поэта позволяет с большой степенью объективности представить языковые процессы данного периода.

С другой стороны, функционирование морфологических вариантов в произведениях Пушкина представляет интерес в стилистическом аспекте, тесно связанном со структурой и содержанием текста, с точки зрения выявления текстообразующих факторов в использовании вариантных форм.

Изучение вариантов именительного падежа множественного числа у Пушкина как в историко-нормативном, так и в стилистическом аспекте невозможно без учета довольно сложной и непрямолинейной истории данного морфологического явления. Этим определяется круг вопросов, рассматриваемых в первой главе нашей работы **«Проблема происхождения и развития в русском языке форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода типа *дома, друзья*»**.

Явление вариантности форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода изучается лингвистами в разных аспектах. Исследователи рассматривают хронологию данного явления (С. П. Обнорский, Ф. П. Филин Г. А. Хабургаев, Т. А. Иванова и др.); вопрос о происхождении форм на -а (Ф. И. Буслаев, А. И. Соболевский, И. В. Ягич, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Б. О. Унбегаун, Л. А. Булаховский, А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, В. А. Марков и многие другие ученые); условия получения нового по времени окончания (А. Б. Правдин, Д. Э. Розенталь и др.); динамику отношения вариантов к нормам словоупотребления (С. И. Ожегов, К. С. Горбачевич, З. И. Литвина, Л. К. Граудина, Т. А. Иванова и др.); их семантико-стилистические различия и функциональные типы отношений между членами вариантной пары в современном русском языке (Домини; Литвина 1969; Фидровская 1981); особенности функционирования в текстах разной стилистической и жанровой отнесенности (А. М. Пешковский, В. В. Одинцов, И. А. Ионова и др.).

Вопрос о происхождении и развитии флексии -а́ до настоящего времени остается острой проблемой истории русского языка. Учеными предложено несколько гипотез по этому вопросу, каждая из которых не лишена односторонности подхода. В наше время большинство ученых разделяют точку зрения, согласно которой развитию процесса новообразований на -а́ способствовал ком-

плекс факторов, а именно:

- влияние форм именительного винительного падежей двойственного числа (типа **рога, бока**);
- влияние имен собирательных (типа **господа, сторожа, братья**);
- воздействие форм на **-ам, -ами, -ах** в косвенных падежах имен существительных: процесс акцентного выравнивания форм множественного числа и обобщения ударного гласного;
- аналогия с существительными среднего рода, у которых окончание **-а** в именительном падеже множественного числа было исконным (**места, моря**).

Особняком по отношению к «общепризнанным» причинам возникновения и укрепления в русском языке образований именительного падежа множественного числа на **-а (-я)** и на **-ья** стоит такой фактор, как «эвфонические преимущества звука **а** над **и**» (В. Ф. Терлов).

Впервые эта мысль была высказана М. В. Ломоносовым, которому принадлежит первая попытка объяснения новообразований на **-а**: «...частое повторение письмени **"а"** способствовать может изображению великолепия, великого пространства, глубины и величины, также внезапного страха...». М. В. Ломоносов придавал большое значение и ударной «силе» окончания **-а** в сравнении с безударным **-и**. Основные положения гипотезы М. В. Ломоносова позднее были поддержаны Я. К. Гротом, который высказал мысль о логической функции ударного окончания как более выразительного. Сравнивая словоформы **повары, лекари** и **повара, лекаря**, он указывал, что «в формах на **-а** значение множественного числа благодаря ударному окончанию выражается яснее и резче».

Говоря об истории возникновения и развития формы на **-а** в русском языке, следует отметить, что данная форма завоевывала и завоевывает права на литературное функционирование постепенно, в процессе взаимодействия с очень устойчивой моделью на **-ы (-и)**. В этом отношении можно сказать, что «...в целом распространение флексии **-а** идет медленно; мнение о ее «наглом натиске» (как писали пуристы в 20-х годах) очень преувеличено» (Литвина 1970).

Вообще, судьба форм именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода еще не получила подробного и целостного описания, хотя вариантам данной формы уделяется внимание практически во всех курсах истории русского языка (А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Л. А. Булаховского, П. С. Кузнецова и др.), а также в ряде работ, посвященных определенным этапам истории языка, анализирующих язык отдельных памятниках или группы памятников письменности. Так, рассматривается функционирование форм именительного падежа множественного числа существительных (наряду с другими падежными формами) в языке судейников XV-XVI вв. (В. М. Марков), в актах XVII в. (А. С. Фидровская), в языке Уложения 1649 г. (П. Я. Черных), в русской бытовой повести XVII-XVIII вв. (С. В. Фролова), в языке московской деловой письменности XVIII в. (Н. И.

Тарабасова) и т. д. Вместе с тем, исследуемые варианты до сих пор не становились предметом специального изучения. Особенно малоизученным представляется их бытование в русском литературном языке XIX века и, в частности, в языке Пушкина, отразившем важнейший этап в судьбе данных форм. В некоторых работах приводятся лишь отдельные примеры использования Пушкиным и его современниками форм указанного типа (Л. А. Булаховский, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, В. И. Чернышев и др.), однако они даются в большинстве случаев вне контекста, при констатации варьирования форм не рассматриваются факторы, влияющие на выбор варианта. В трудах, посвященных описанию морфологических явлений первой половины XIX века, дается обычно суммарное описание фактов, извлеченных из разнообразных источников, представляется своеобразная «коллекция» форм из произведений разных авторов, в том числе и Пушкина. Несомненно, подобные «коллекции» представляют огромную ценность для изучения истории русского литературного языка. Вместе с тем, они не дают точной и полной картины языковых процессов указанного периода, регистрируя лишь «особенности» употребления, отступающие от общей нормы (либо данного периода, либо нашего времени), но не соотношение «новых» явлений с «традиционными». Поэтому за пределами наблюдений остается «удельный вес» разных форм, их место в литературном языке эпохи, а также особенности функционирования в произведениях разных жанров и разных авторов. Существенно при этом, что в период становления и интенсивного развития форм на *-а* (типа *дома*), каковым является пушкинское время, использование их в текстах литературных произведений определялось чуткостью авторов к языковым процессам, связью с предшествующей литературной традицией, наконец, индивидуально-языковым вкусом, что определяло различие конкретных оценок.

В связи с этим, большое значение для более точного и глубокого описания определенного этапа истории языка приобретает изучение функционирования вариантов типа *годы – года* в пушкинских текстах, которые наиболее полно отражают особенности становления новых норм в русском литературном языке, «борьбу» вариантов и тенденции их развития.

Во второй главе «**Вариантные формы именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода в пушкинских текстах**» рассматривается функционирование форм типа *домы – дома, други – друзья* в произведениях Пушкина.

На основе исчерпывающей характеристики состава и особенностей использования словоформ именительного падежа множественного числа у Пушкина в сопоставлении с современной речевой практикой в этой главе обосновывается положение о близости пушкинского употребления данных форм к нормам литературного языка нашего времени. С другой стороны, рассмотрение вариантных форм в пушкинских текстах на фоне литературной практики первой половины XIX века, а также предшествующих периодов обнаруживает, что для своей эпохи Пушкин оказывается гораздо менее архаичным, чем его современ-

ники, уходя от устаревających явлений, свободно используя формы живой разговорной речи, и нередко предвосхищая формирование новых литературных норм.

Из 1085 слов мужского рода с нулевой флексией в исходной форме, зафиксированных в языке Пушкина, 67 существительных в литературном языке нашего времени имеют формы именительного падежа множественного числа на **-а (-я)**, **-ья** (безвариантные или с вариантом на **-ы (-и)**). Большинство из этих лексем (57 слов) фиксируются с «новым» окончанием уже у Пушкина. Из них только с окончанием **-а (-я)**, **-ья** у Пушкина используются 39 существительных; варьирование формы именительного падежа множественного числа наблюдается у 18 слов и лишь 10 лексем последовательно используются со «старым» окончанием.

Безвариантные формы на **-а (-я)** в пушкинских текстах: (в скобках указано количество словоупотреблений): **ассессора** (1), **берега** (21), **бока** (3), **брега** (20), **веера** (1), **века** (7), **векселя** (4), **вензеля** (2), **вечера** (18), **глаза** (160), **голоса** (10), **города** (9), **доктора** (1), **егеря** (3), **кивера** (3), **колокола** (1), **корпуса** (1), **кучера** (6), **лекаря** (5), **леса** (22), **луга** (19), **мастера** (1), **обшлага** (1), **острова** (3), **паруса** (5), **повара** (2), **погребя** (4), **почерка** (1), **рукава** (11), **сторожа** (4), **фельдгегеря** (1), **хутора** (2);

формы на **-ья**: **клинья** (1), **князья** (17), **кумовья** (1), **прутья** (1), **стулья** (7), **холопья** (4). Слово повод в значении «ремень для управления лошадей» имеет у Пушкина и форму на **-а**, и форму на **-ья**: **повода** (1) и **поводья** (8).

Варианты на **-ы (-и)** и на **-а (-я)**: **возы** (1) – **воза** (1), **волосы** (19) – **волоса** (19), **годы** (39) – **года** (8), **гробы** (3) – **гроба** (1), **домы** (8) – **дома** (22), **краи** (2) – **края** (18), **писари** (1) – **писаря** (2), **роги** (2) – **рога** (10), **ротмистры** (1) – **ротмистра** (1), **снеги** (1) – **снега** (9), **учители** (2) – **учителя** (1);

варианты на **-и** и на **-ья**: **братии** (1) – **братья** (30), **друзи** (33) – **друзья** (166), **камни** (7) – **каменья** (3), **листы** (17) – **листья** (8), **мужи** (2) – **мужья** (13), **сыны** (20) – **сыновья** (7), **суки** (1) – **сучья** (1).

Безвариантные формы на **-ы (-и)**: **адресы** (1), **ветры** (6), **жемчуги** (1), **крендели** (1), **паспорты** (1), **поясы** (2), **томы** (1), **тоны** (1), **тополи** (5), **хлебы** (5).

В использовании Пушкиным изучаемых форм интересна тенденция к определенному «опережению» рекомендуемых грамматиками литературных норм. Так, среди форм именительного падежа множественного числа на **-а**, не отмеченных грамматиками и словарями пушкинского времени, нами зафиксированы: **ассессора**, **веера**, **воза**, **волоса**, **гроба**, **обшлага**, **ротмистра**, **учителя**, **хутора**.

С другой стороны, в отличие от своих современников и даже писателей последующих периодов Пушкин практически не использует, или использует крайне редко и ограниченно некоторые архаичные для нашего времени, но еще широко бытовавшие в литературе XIX века формы. Так, у Пушкина отмечается только форма **века** (7 случаев) и отсутствует форма **веки**, оценивавшаяся как

единственно правильная блюстителами языковой грамотности XIX века и весьма распространенная в литературной практике эпохи. Чрезвычайно редко и со специальным заданием Пушкин использует достаточно частотные в произведениях писателей пушкинской поры и даже в послепушкинское время формы **краи** (2 употребления, тогда как **края** – 18), **роги** (2 раза, **рога** – 10), **снеги** (1 случай при 9 употреблении формы **снега**).

Важно подчеркнуть, что практически все «новообразования» на **-а**, используемые писателем, закрепились в русском литературном языке: у Пушкина не зафиксировано вариантов с **-а**, которые остались бы впоследствии за пределами литературного языка. Между тем в произведениях других писателей XIX века нередки формы **автора**, **офицера**, **смотрителя** и т. п. Таким образом, применительно к речевой практике Пушкина можно говорить о большей близости к нормам литературного языка нашего времени, чем у многих из его современников, а следовательно – о своеобразном предвосхищении путей развития языка.

При наличии вариантов словоформ у существительных мужского рода суммарно в пушкинских текстах преобладает использование более поздних форм на **-а**: 299 словоупотреблений (73,5%) при 108 случаях использования традиционных форм (26,5%).

Однако в силу разнородности материала суммарное количество «старых» и «новых» форм не является абсолютно надежным показателем. Практически каждая вариантная пара рассматриваемого типа обладала в пушкинскую эпоху «индивидуальным» характером взаимоотношений. Стилистическая разнородность форм на **-а**, с одной стороны, и на **-ы**, с другой, очевидна и в наше время. В период становления «новообразований» и «борьбы» вариантов соответствующие различия проявлялись еще более ярко. У ряда слов исконные формы были практически вытеснены «новыми» вариантами, ощущались как архаичные (**домы**, **краи**, **роги**, **снеги** и т. д.); у других существительных «новый» вариант оставался стилистически маркированным (**волоса**, **года** и т. д.); часть вариантов характеризовалась определенным «равноправием», а у некоторых слов варианты имели семантические различия. Отсюда – достаточно существенные расхождения в соотношении количества употреблений форм на **-ы** и на **-а** у разных лексем. Ср., например : **домы** встречается у Пушкина 8 раз, **дома** – 22, тогда как **годы** – 39, **года** – 8; **мужи** – 2, **мужья** – 13, но: **сыны** – 20, **сыновья** – 7. Здесь наблюдается более пестрая картина соотношения «старого» и «нового», чем во многих других случаях морфологического варьирования, что связано с достаточно сложной и непрямолинейной историей конкуренции форм существительных мужского рода с флексиями **-ы** (**-и**) и **-а** и с лексико-грамматическим характером данного явления.

Тенденция к «победе» форм на **-а** проявляется не только в более редком, но и в более узком, ограниченном использовании «традиционных» форм в произведениях Пушкина. «Старые» варианты чаще всего встречаются в стилистически маркированных условиях.

Выбор варианта в значительной степени связан с жанрово-стилевой принадлежностью текста. Формы типа **домы**, **краи** и под. в наибольшей степени характеризуют язык «важной» прозы, то есть тексты строгих стилей (научного и официально-делового), максимально точно отражающие требования нормативной грамматики. Напротив, в текстах художественных, публицистических, эпистолярных свободно и широко используются варианты на -а. Ср., например, использование в составе одного и того же фразеологизированного сочетания **чужие края (краи)** форм **краи** – в письме-прошении Пушкина из Михайловского к Николаю I – и **края** – в дружеском письме П. А. Вяземскому:

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Ср:

Лев Нарышкин, с которым я уже об этом говорил, уезжает в чужие края в начале лета. Он нанимает здесь дом, за 500 р. месяц, и дачу не очень помню за сколько.

Употребление формы **края** оказывается гораздо шире, чем **краи** – мы встречаем ее в частных письмах, в художественных текстах, в критике и публицистике. Она используется в сочетаниях «**наши края**», «**чужие края**», «**родные края**», «**края Москвы**», «**эти края**» и т. д.

С другой стороны, показательно использование форм, имевших в пушкинское время разговорный оттенок, в сниженных контекстах. Например: в речи повествователя в «Пиковой даме» встречаем старую форму:

Томский произведен в ротмистры и женится на княжне Полине.

Но в частном письме Пушкин использует разговорно-сниженный вариант с оттенком пренебрежительности:

Жду твоих повестей да возьмись за роман – кто тебя держит... Подумай, брат, об этом на досуге... да тебе хочется в ротмистра!

Ср. также:

*Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора!
(Товарищам).*

«Традиционные» варианты чаще употребляются в художественных прозаических и стихотворных произведениях высокого, торжественного звучания:

*Их много, много сильных пало,
Их гробы черный вран стрежет...
(Кольна. Подражание Оссиану)*

Ср., с другой стороны, в тексте «неторжественной» тональности, имеющем характер бытового, хотя и скорбного описания, приближенного к восприятию простого горожанина:

*Пожитки бедной нищеты,
Грозой снесенные мосты,*

*Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!
(Медный всадник);*

Устаревшие варианты выполняют у Пушкина функции исторической стилизации: ср., например, в речи царя Бориса: «*Пожарный огонь их дома истребил*», социально-речевой характеристики, служат средством создания юмористического и пародийного тона: *У мужа роги длинны* (Куплеты) и т. д.

Немалую роль в выборе варианта играет общий эмоциональный характер контекста. Старые формы на *-ы (-и)* представлены, как правило, в стилистически нейтральных текстах, а «новообразования» на *-а*, напротив, характерны для фрагментов с яркой эмоциональной и экспрессивной окраской. Это касается, в основном, тех вариантных пар, в которых форма на *-ы (-и)* во времена Пушкина не ощущалась архаичной, уходящей из употребления (*возы – воза, годы – года, волосы – волоса*).

В стихотворных произведениях решающую роль при выборе формы играют требования ритмики. Ср., например, употребление форм *други* и *друзья* в тождественных функционально-стилистических условиях: в речи одного персонажа (царя Дадона), при обращении к одному и тому же адресату («собранию бородачей»):

*Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся.
Что мне делать ныне? – Слушайте.*
(Бова).

Ср. через несколько строк:

*Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой.*

Выбор форм обусловлен здесь требованиями версификации.

Вместе с тем практически в каждом случае наблюдается взаимодействие данного фактора с другими: жанровым характером произведения, его стилистической тональностью и т. д. Например, форма *годы* – более возвышенная, книжная форма, *года* – разговорная, нейтральная. Соответственно, форма *годы* чаще употребляется в книжно-высоких стихотворениях философского содержания, на что указывает в рифмах высокая, книжная, абстрактная лексика: *оды, свободы, своды* и т. д.. Напротив, форма *года* встречается в текстах, имеющих разговорно-бытовую окраску, о чем также можно судить по рифмующимся формам: *господа, тогда* и т. д. Ср., например:

*Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ль ты влюблена тогда?*
(Евгений Онегин).

Ищу вознаградить в объятиях свободы

Мятежной младостью утраченные годы...
(Чаадаеву).

Особый интерес представляет форма **други**. Она используется в произведениях Пушкина и его современников и ограниченно, и своеобразно. Форма **други** встречается преимущественно в поэтических произведениях и только в роли обращения, причем в большинстве случаев как выражение **о други**. Книжно-архаическое обращение **други /о други** нередко употребляется в жанре поэтического завещания, то есть в контекстах высокого, патетического звучания, например:

*Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, ей!*
(Андрей Шенье).

*Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!*
(Мое завещание. Друзьям).

*Скажу я вам: «О други, я любил!...»
И тихий дух умрет в изнеможенных.*
(Элегия).

Можно предположить, что во времена Пушкина форма **други**, а в особенности в сочетании с междометием **о – о други –**, превращается в своеобразный трафарет и прием, который активно используется в поэзии XIX века.

Итак, в языке Пушкина, не скованного книжной традицией и чуткого к состоянию и тенденциям живой речи, широко отражается процесс активного “вхождения” в литературный язык форм мужского рода на -а. В то же время Пушкин не отказывается от традиционных форм, используя их как стилистическое средство в соответствии с определенными художественными задачами.

В третьей главе диссертационного исследования «**Вариантные формы именительного падежа множественного числа у существительных среднего рода в пушкинских текстах**» рассматриваются варианты типа **бревня – бревны, окна – окны**.

В отличие от вариантности форм мужского рода, сохраняющей свою актуальность до наших дней, сосуществование параллельных форм среднего рода явилось лишь определенным этапом в истории языка. В памятниках письменности отдельные примеры употребления форм на -ы (-и) встречаются, по свидетельству ученых, с XVI века, а с конца XIX века эти «новообразования» исчезают из литературного употребления.

Хотя наличие в пушкинских текстах «ненормативных» вариантов среднего рода отмечали многие исследователи, до сих пор описание данного явления ограничивалось лишь фиксацией примеров с -ы. В результате такого одностороннего внимания особенности языка Пушкина в отражении данного яв-

ния характеризуются по сути неадекватно, а между тем они, по-видимому, отражают определенный этап бытования рассматриваемых форм в истории русского литературного языка.

Так, представляется не совсем справедливым следующее утверждение Г. О. Винокура: «...-ы в окончании многих слов среднего рода у Пушкина является очень частым как в стихах, так и в прозе, причем в большинстве случаев в соответствующих словах Пушкин пишет последовательно -ы, и параллельные написания с -а представляют собой очень редкое исключение... Пушкин не замечал в своем языке этого отступления от нормативной грамматики и...не пытался от него избавиться».

Наш материал, напротив, свидетельствует, что, несмотря на широкое распространение «новообразований» именительного падежа множественного числа существительных среднего рода в произведениях русской литературы XVIII – XIX веков, Пушкин чувствовал «нежизнеспособность» данного явления, тенденцию литературного языка к утрате «временных» форм на -ы и использовал их очень ограниченно (в отличие от «новых» форм на -а от слов мужского рода).

Из 339 существительных с безударным окончанием в исследуемой форме подавляющее большинство – 312 лексем (86,4 %) – всегда употребляются в текстах Пушкина в форме именительного падежа множественного числа с исконным окончанием -а (-я), -ья. Лишь 7,5 % (27 слов) приходится на существительные среднего рода, которые в рассматриваемой форме встречаются у Пушкина с окончаниями -ы (-и), -ьи – либо безвариантно, либо наряду с окончаниями -а (-я), -ья.

Только с просторечным окончанием -ы (для литературного языка пушкинского и нашего времени) Пушкиным используются лишь **6 слов**: блюда (1), ветрильцы (1), крыльци (1), озера (1), селы (8), чады (1). К этой группе примыкают также 2 существительных категории *pluralia tantum*: белилы (2) и перилы (2), которые в соответствии с современной нормой (как и с указаниями грамматик XIX века) в форме именительного множественного оканчиваются на -а.

У 21 существительного среднего рода в произведениях Пушкина наблюдается вариативность форм: бревна (1) – бревны (1), весла (4) – веслы (1), вина (2) – вины (6), знамена (9) – знамены (3), колени (36) – колена (15), колеса (2) – колесы (1), кольца (3) – кольца (2), копыта (1) – копыты (2), крылья (-ия) (6) – крылы (1), лета (43) – леты (6), лица (37) – лица (1), мечтанья (-ия) (22) – мечтаньи (1), окна (11) – окны (10), письма (51) – письмы (4), плечи (13) – плеча (4), ружья (5) – ружьи (1), стекла (4) – стеклы (1), сочиненья (-ия) (38) – сочиненьи (1), сраженья (-ия) (3) – сраженьи (1), сукна (1) – сукины (1), чела (1) – челы (1). Параллельные формы именительного падежа используются также у трех существительных *pluralia tantum*: ворота (5) – вороты (2), кресла (11) – креслы (2), чернила (1) – чернилы (2).

Таким образом, удельный вес слов среднего рода, встречающихся у Пушкина с флексией **-ы (-и)** в форме именительного падежа множественного числа, очень невелик. К тому же, у лексем, допускающих вариантность флексий, значительно преобладает использование исконных форм. Они фиксируются в 83,7% случаев использования существительных указанной группы в форме именительного падежа множественного числа (262 словоупотребления), тогда как параллельные им «новообразования» типа **бревны, окны** используются лишь 51 раз, что составляет 16,3% от всех употреблений данной группы существительных в форме именительного падежа множественного числа.

Кроме того, очень показателен “качественный” состав лексем, обнаруживающих в пушкинских текстах варьирование флексий. Почти все эти слова относятся к группе общеупотребительных в стилистическом отношении существительных, а с точки зрения структуры слова характеризуются отсутствием специфических словообразовательных примет. Всего в пушкинском словаре мы отметили 64 лексемы данной группы. Из них 22 слова в именительном падеже множественного числа оканчиваются на **-а** ударное – такие существительные были вообще не подвержены варьированию флексий. 24 слова всегда употребляются Пушкиным с безударным окончанием **-а, -ья**: **болота, ведра, ветрила, гнезда, деревья, дива, забрала, начала, одеяла, перья, покрывала, правила, пятна, ремесла, светила, седла, тигла, числа, чучела, ядра, яйца**. Таким образом, даже в сравнительно небольшой группе бытовой общеупотребительной лексики большая часть существительных сохраняет исконную форму именительного падежа множественного числа.

Гораздо более многочисленную группу (297 существительных) составляют слова с яркой словообразовательной структурой, с характерными суффиксами, – преимущественно книжные и высокие. Это слова на **-ние, -тие, -ие, -ство, -ище**, то есть лексика либо старославянского происхождения, либо образованная с помощью старославянских аффиксов, по «книжным» моделям. В отношении слов данного класса Пушкин следовал строгой традиционной норме. В именительном падеже множественного числа практически все они фиксируются у писателя с окончанием **-а (-я)**: **благодарения, возмущения, злодеяния, препития, приветствия, празднества, превосходительства, преимущества, пророчества, свидетельства, пристанища, сокровища** и т. п. Ср. также использующиеся только в традиционной форме общеупотребительные, не книжные слова соответствующей словообразовательной структуры: **воления, занятия, изделия, обещания, растения, свидания, жилища, кладбища, прозвища, училища, чудовища**. (Лишь в двух словах, как показано выше, зафиксированы формы сочинения и сражения).

Итак, в использовании Пушкиным форм именительного падежа множественного числа у слов среднего рода существуют ярко выраженные закономерности, связанные в первую очередь со стилистической окраской и деривационными особенностями существительных.

Весь приведенный материал свидетельствует, что формы типа **бревны,**

окны и под. употребляются в текстах Пушкина очень ограниченно. Флексии **-ы, -и** практически отсутствуют у слов книжного характера и далеко не полностью охватывают общеупотребительную лексику среднего рода.

Интересно, что у предшественников и современников Пушкина и даже у писателей второй половины XIX века формы именительного падежа множественного числа на **-ы (-и)** встречаются и в кругу слов, носящих оттенок книжности. Ср. примеры из художественных произведений XVIII – XIX веков: **чувствы, мученьи, неудобствы** (А.П. Сумароков); **пристанищи** (Я. Б. Княжнин); **пророчества** (Г. Р. Державин); **блаженствы, обстоятельства, страдания, таинства** (Д. И. Фонвизин); **достоинства, известия, попечения** (А. Н. Радищев); **бедствы, злодействы** (С. А. Шихматов); **воляньи, наставленьи** (В. А. Жуковский); **желания, подозрения** (К. Н. Батюшков); **объятия, старания** (П. А. Вяземский); **твореньи** (М. Ю. Лермонтов); **создания** (Ф. И. Тютчев) и т. д.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что писателями XVIII века и современниками Пушкина формы на **-ы (-и)** от слов среднего рода использовались гораздо шире, без тех ограничений, которые мы выявили в текстах Пушкина.

В целом соотношение исконных форм и «новообразований» среднего рода в пушкинских текстах отражает положение «нетрадиционных» вариантов среднего рода в русском литературном языке XIX века. Хотя окончание **-ы (-и)** в именительном падеже множественного числа существительных среднего не было редкостью в языке произведений эпохи, оно являлось лишь вариантом на фоне окончания **-а (-я)**, выступавшего как норма.

Наши наблюдения не позволяют согласиться с тезисом Г. О. Винокура о безразличии Пушкина к употреблению той или иной формы среднего рода, о «непонимании» или игнорировании писателем требований нормативной грамматики к употреблению рассматриваемых форм. Напротив, весь наш материал показывает, что «нетрадиционные» варианты типа **бревны, окны** использовались Пушкиным не только редко, но и ограниченно, в определенных стилистических условиях.

В прозаических текстах Пушкина формы типа **бревны, окны** встречаются крайне редко (13 употреблений «нетрадиционных» форм при 172 случаях использования параллельных им исконных вариантов, соответственно 7% и 93%). При этом прослеживается тенденция употребления вариантов типа **бревна – бревны, ворота – вороты** в зависимости от стилистической принадлежности текста.

В текстах «строгих» стилей (научного, официально-делового), а также в публицистических произведениях Пушкин использует только «традиционные», «правильные» в грамматическом отношении формы.

По мере ослабления «строгости» стиля в тексты пушкинских произведений проникают варианты типа **бревны, окны**. Только в частных письмах, имеющих разговорно-непринужденный характер, Пушкин использует такие словоформы, как **колеса, письма, ружья**:

В деревне писал я презренную прозу, а вдохновение не лезет... Отовсюду получил письма и всюду отвечаю. (Письмо П. А. Вяземскому).

Однако подобные формы встречаются крайне редко, эпизодически, как в художественной прозе Пушкина (7 употреблений при более 100 случаях использования форм на **-а** у соответствующих слов), так и в письмах поэта. Например, слово **письмо** в форме **письма** встречается в дружеской переписке Пушкина 24 раза, и только 3 раза – в форме **письмы**.

В поэтических произведениях Пушкина варианты на **-ы (-и)** более употребительны, чем в прозе. Их «удельный вес» в общем составе форм именительного-винительного падежа множественного числа от слов, характеризующихся у Пушкина вариативностью форм, составляет в поэзии 29,7% (38 случаев из 128), тогда как в прозе – 7%. Большая, чем в прозе, употребительность «ненормативных» форм объясняется, в первую очередь, возможностью использования вариантов в версификационных целях. Ср., например, употребление вариантов в связи с требованиями рифмы:

*Старушка (я стократ видал точь-в-точь
В картинах Рембрандта такие лица)
Носила чепчик и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная девица!
(Домик в Коломне).*

*Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
(Евгений Онегин).*

В употреблении Пушкиным форм типа **бревны, окны** как в прозе, так и в поэзии представляет особый интерес проявление такого фактора, как фактор однородности флексий вне прямой грамматической связи сегментов предложения (и шире – текста). Использование Пушкиным форм данного типа как в прозе, так и в поэзии часто бывает обусловлено, по нашим наблюдениям, влиянием ближайшего окружения слова: словоформ именительного падежа множественного числа существительных мужского и женского рода, а также глагольных форм и усеченных прилагательных на **-ы (-и)**. Например, в повести «Гробовщик» при передаче сна героя в речи повествователя на соседних страницах присутствуют формы **окна** и **окны**:

Около нее теснились родственники, соседцы и домашние. Все окны были открыты, свеч горела, священники читали молитвы.

Ср. через несколько строк:

Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица.

Помимо соответствующего окружения (словоформы на **-ы, -и**), действие аналогии в первом отрывке поддерживается условиями синтаксического парал-

делизма. Напротив, словоформу окна во втором отрывке окружают преимущественно слова, оканчивающиеся на -а, причем многие на -а ударное. Здесь же употреблена и форма среднего рода лица.

В поэтической речи, в условиях ритмической организации, рассмотренная закономерность проявляется еще более ярко, формы на -ы(-и) появляются под влиянием ассонанса. Ср., например:

*Кого не утомят угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей
И дружба тяжкая мужей!
(Евгений Онегин);*

Иногда использование форм типа **бревны, вороты** в поэзии Пушкина вызывается и аналогией с усеченными прилагательными в именительном падеже множественного числа на -ы (-и), когда последние выступают в роли определенных при соответствующих существительных. Ср.: *поддельны вины, мощны веслы, окны заграждены, охлаждены леты, прежши леты, юношески леты* и т. п. Использование рассматриваемых форм на достигается созвучие слова с эпитетом.

Таким образом, выбор варианта у Пушкина обусловлен как общезыковым фоном, так и требованиями организации текста. Наш материал свидетельствует, что даже редкое, эпизодическое употребление «нетрадиционных» форм в прозе Пушкина мотивировано окружением слова, грамматическим рисунком и ритмом контекста.

Четвертая глава диссертационного исследования «**Варианты типа татаре – татары, цыгане – цыганы в языке Пушкина**» посвящена наблюдениям за функционированием в произведениях Пушкина существительных мужского рода на -анни (-янии), -арин (-ярин), обозначающих людей по их социальной и этнической принадлежности (типа **болгарин, крестьянин, мещанин, славянин** и под.). Несмотря на «периферийное» положение данной группы существительных, варианты флексий именительного падежа множественного числа у соответствующих лексем весьма показательны в плане характеристики процессов, происходивших в становлении литературных форм множественного числа. Соответствующий материал, интересный с точки зрения стилистического использования параллельных форм, актуален и для изучения норм литературного языка нашего времени: определенные колебания в отношении форм типа **цыгане - цыганы** характерны и для современной речевой практики. Теоретически сам Пушкин утверждал: «...все имена существительные, кончающиеся на **анни, янии, арин и ярин**, имеют свой...именительный множественного на **ане, яне, аре и яре**. Все же существительные, кончающиеся на **ан и ян, ар и яр**, имеют во множественном именительный на **аны, яны, ары и яры...**». Замечания писателя о склонении существительных данных типов в целом соответствуют и ука-

заниям нормативных грамматик пушкинского времени. Однако реальная практика употребления данных форм у Пушкина не всегда соответствует приведенному высказыванию. С традиционным окончанием *-е* в произведениях Пушкина нами зафиксированы следующие безвариантные словоформы от существительных на *-анин* (*-янин*): *англичане*, *армяне*, *граждане*, *дворяне*, *крестьяне*, *мещане*, *недворяне*, *парфяне*, *персияне*, *римляне*, *славяне*, *христиане*. Аналогично, Пушкин употребляет во множественном числе безвариантные формы *басурмане* и *мусульмане*. По данным словарей нашего времени, варианты *басурман* и *басурманин* образуют разные формы именительного падежа множественного числа: *басурманы* и *басурмане* соответственно, причем *басурмане* употребляется чаще. Формы *мусульман* – *мусульманы* оцениваются как устаревшие. Таким образом, в пушкинских текстах отражается движение нормы в сторону более употребительных вариантов.

Вариативностью в пушкинских произведениях характеризуются формы лексем *татарин* и *цыган*. Наряду с грамматически «правильными» (по утверждению самого Пушкина) формами *татаре* и *цыганы*, писатель использовал в своих произведениях варианты *татары*, *цыгане*. Появление и закрепление в литературном языке «нетрадиционных» форм связано в первую очередь с воздействием грамматической аналогии. Возникновение формы *татары* можно объяснить морфологическим сближением с формами именительного падежа множественного числа слов на *-ар* (*-яр*), обозначающих лиц (*гусары*, *кулишары*), которые в данной форме характеризуются к тому же универсальной для большинства существительных флексией *-ы*. Слово *цыган*, вероятно, сблизилось по своему семантическому сходству и отчасти по формальному облику с группой слов на *-анин*, обозначающей лиц по территориально-этнической принадлежности (*горожане*, *славяне*). Яркое свидетельство этого сближения – существование в истории русского языка образования *цыганин*.

Факты показывают, что использование «неправильных» вариантов у Пушкина последовательно характеризуется стилистической обусловленностью. Формы *цыгане* и *татары* встречаются преимущественно в «нестрогих» текстах: в письмах, примечаниях, заметках на полях и т. п. – то есть там, где стиль является непринужденным, активно используются элементы разговорного языка, отражается живое употребление. Даже название поэмы «Цыганы» Пушкин в дружеском письме передает как «Цыгане»:

Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму "Цыгане". Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела... (Письмо П. А. Вяземскому).

Аналогичная зависимость использования варианта от степени «строгости» стиля прослеживается и в отношении параллельных форм *татаре* – *татары*. Показательно использование данных вариантов в «Истории Пугачева. Там, где стиль приближен к научному, дается как бы историческая справка, Пушкин употребляет форму *татаре*:

Наша летопись о татарах упоминает в XIII столетии, но татаре

существовали и прежде.

А при передаче стремительных и драматичных событий народного восстания писатель использует разговорную в то время форму **татары**:

Хлопуша прискакал к Каргале, с намерением спасти жену и сына.

Татары связали его и послали за губернатором.

«Некнижную» в то время форму **татары** мы встречаем и в «Песнях западных славян», написанных в стиле народной поэзии.

Показательно, что именно формы **цыгане** и **татары**, которые Пушкин теоретически отвергал, но тем не менее достаточно широко использовал в своих произведениях, «одержали победу» в литературном языке нашего времени. Таким образом, в практическом использовании Пушкиным рассматриваемых форм проявляется тенденция к определенному «опережению» рекомендуемой грамматикой литературной нормы. В этой связи интересно отметить также, что Пушкин совсем не использует архаичную для нашего времени форму **татара**, хотя именно она дается как единственно возможная форма именительного падежа множественного числа у слова **татарин** и в «Русской грамматике» А. Х. Востокова 1831 г., и в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева 1858 г.

Очень интересно практически последовательное употребление у Пушкина формы **бояре**, совпадающей с современной формой множественного числа. Она используется в 37 из 39 случаев употребления этой словоформы, при этом – в любых стилистических условиях! Напротив, формы **бояра** и **бояры** встретились каждая только один раз – в явно стилистически маркированных контекстах: **бояра** – в дружеском письме П. В. Нащокину с элементами разговорно-непринужденного стиля; **бояры** – в сказке «Царь Никита и сорок его дочерей», стилизованной под демократическую старину и «сказочную простонародность», по выражению В. В. Виноградова.

Использование в качестве доминирующего «современного» варианта **бояре** достаточно резко расходится с нормативными рекомендациями (повидимому, консервативными) А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева. В Русской грамматике Востокова формы **бояре** и **бояра** называются в качестве равноправных вариантов; в Исторической грамматике Буслаева на правах нормативной формы дается только (!) **бояра**.

В плане приближения норм пушкинского времени к современным любопытны также формы множественного числа от лексемы **барин**. В современном русском языке во множественном числе с этой лексемой соотносительна супплетивная форма **господа**. **Баре** и **бары** используются лишь с оттенком иронии и пренебрежения. Вероятно, процесс вытеснения этих форм за пределы литературного языка происходил уже в пушкинское время. Пушкин совсем не использует форму **бары**, а **баре** встречается только один раз, в стилистически маркированном употреблении, тогда как **господа** в значении «помещики» употребляется 17 раз.

Можно предположить, что уже в первой половине XIX века формы **баре** и **бары** воспринимались с оттенком просторечности и устарелости.

Вот единственный пример использования Пушкиным формы *баре*:

Во время моего появления на свет отец мой был в жупане, заменявшем у него наши нынешние халаты, но достоверными были плисовые сапоги, ибо как и все баре того времени он имел подагру (Заметки на полях).

Весь контекст пронизан мягкой иронией по отношению к прежним временам, и форма *баре* вписывается в него очень органично.

Итак, изучение функционирования вариантов именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода в произведениях Пушкина позволяет лучше представить пути языкового развития и формирования норм русского литературного языка, дать более детальную характеристику явления вариантности форм именительного падежа множественного числа, несущего не глобально системный, а лексически закреплённый характер.

В то же время обнаруживается строгий сознательный отбор языковых средств в соответствии с авторскими намерениями и разностороннее их использование в художественном тексте; выявляется широкий спектр текстовых факторов, влияющих на выбор варианта. При этом Пушкин руководствуется в выборе формы не рекомендациями нормативных словарей и грамматик своего времени (часто «опережая» эти рекомендации), а собственным чутьём к состоянию и развитию языка, принципом «уместности и сообразности» в использовании языковых средств. С одной стороны, наблюдается стремление поэта к демократизации русского литературного языка, «нескованность» книжной традицией, обращение к стихии живой разговорной речи, а с другой – умелое, художественно целесообразное использование языкового наследия прошлого.

По материалам диссертации опубликованы следующие работы:

1. Марсакова М. С. Вариантные формы именительного падежа множественного числа существительных в произведениях А. С. Пушкина // Семантические и структурные аспекты языка и их изучение в вузе и школе: Тезисы докладов Зональной научной конференции кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья (Ульяновск, 20-21.09.94). - Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 1995. - С. 32 - 33.

2. Марсакова М. С. Текстовая обусловленность выбора вариантов типа *домы* - *дома*, *други* - *друзья* в произведениях А. С. Пушкина // Теоретические и прикладные аспекты риторики, стилистики и культуры речи: Тезисы и доклады конференции молодых ученых России, 23 - 25 ноября 1995 г. - Екатеринбург : УрГУ, 1995. - С. 42 - 43.

3. Марсакова М. С. Морфологические варианты типа *домы* – *дома*, *други* – *друзья* в поэтических произведениях А. С. Пушкина // Семантическая системность языковых единиц: Сборник научных статей. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1996. 136 с. – С. 63-71.

4. Марсакова М. С. Вариантные формы типа *бревна* – *бревны*, *ворота* –

вороты в произведениях А. С. Пушкина // Семантическая системность языковых единиц : Сборник научных статей. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 168 с. – С. 104 -113.

5. Марсакова М. С. Функционирование вариантов именительного падежа множественного числа существительных на -аши, -арин, -ан в пушкинских текстах // Актуальные проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Д. И. Алексеева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. – С.103-105.

6. Марсакова М. С. Варианты типа татарс – татары, цыганс – цыганы в истории русского литературного языка (на материале пушкинских текстов) // Вестник Самарского университета. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – № 1(19). – С.132-140.

Подписано в печать 12· ноября 2001 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Объем 1 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 721
443011 г.Самара, ул.АкадемикаПавлова,1
УОП СамГУ ПЛД № 67 - 43 от 19.02.98.